

Неприкосновенный запас. 2008. №2.

Ирина Арзамасцева

Русская книга для «маленького Сенеки»: заметки историка детской литературы

Есть ли в отечественной детской и подростковой литературе книги, подобные недавно переведенному и изданному у нас роману норвежского писателя Юстейна Гордера «Мир Софии» [1], в котором изложен краткий курс истории философии для юного читателя? На первый взгляд может показаться, что русской литературе нечего предложить юному любознательному, что она по-прежнему пересказывает сказки для юного волшебника да готовит уроки с «ботаниками» и будущими топ-менеджерами.

Жив ли вообще «маленький Сенека» как особый тип читателя или тип героя? В далеком прошлом идеальный юный читатель виделся именно в этом образе, то есть в образе ребенка-мудреца -- просвещенного язычника, вступающего на путь христианина. Для него создавались философические произведения, вроде «Телемака» аббата Фенелона, ему лорд Честерфильд излагал основы стоицизма в своих письмах, именно «маленький Сенека» на языке сказочных аллегорий постигал мудрствования Екатерины Великой.

Впрочем, философия в своих собственных формах, вне образных иносказаний, в детско-подростковой литературе приживалась редко и с трудом. Роль философии в детских изданиях исполняло богословие в его практическом этическом приложении. Редкий пример употребления слова «философия» в заголовке книги для детей -- сочинение Андрея Болотова в двух частях, общим объемом почти в восемьсот страниц: «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» [2]. Имена философов в старинной русской детской книге встречались редко, их место было закреплено в основном за учебными пособиями [3]. Пожалуй, самым крупным автором, которого можно назвать и детским писателем, и «любомудром» (помимо прочих его званий и занятий), был Владимир Одоевский -- именно он открыто претворял свои эстетические, натурфилософские и религиозные взгляды в особых образах и сюжетах, внятных сердцу и уму юных [4].

Русские мыслители, в особенности -- религиозного направления, редко выходили за пределы привычного общения со своими адресатами-взрослыми. Можно вспомнить Константина Леонтьева и его повесть-сказку «Дитя души» [5], где автор трактует такие категории, как тело и душа, зло и благо, человек и Бог. Или письма о Флоренского детям, которые, выйдя из семейного обращения, обрели значение примерно то же, что и письма сыну английского «римлянина» Честерфильда.

После 1917 года «маленького Сенеку» словно выслали из страны -- как это сделали впоследствии с самими философами. «Юный любомудр» исчез, как и «юный пиит» (к слову, впервые замеченный и названный так Евгением Баратынским). И того, и другого вытеснили миллионы «юных ленинцев», «юных натуралистов» и «юных корреспондентов». С 1918 по 1931 год в СССР не было издано ни одной детско-подростковой книги об «отвлеченных предметах»; разве что в изданиях русских классиков -- Пушкина, Достоевского, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева -- оставалась для юного читателя скрытая возможность приобщиться к философским темам. Прекратился выход книг даже на этико-нравоучительные темы. Единственным вопросом, сохранявшим хотя бы отблеск свободного умствования, стал вопрос: «Есть ли Бог» [6] (именно так звучит название маленькой книжки П. Власенко, изданной в 1925 году [7]). Взамен популярно и массово излагались основы атеизма [8], и, конечно же, советским детям представили «главного философа» человечества -- Карла Маркса [9]. Любопытно также, что Ленин в детской печати был представлен не своим учением, а своей «жизнью».

Объявленный в стране детский «поход за знанием» начался без объяснений, что же такое «знание» и «познание». При этом детям предлагалось освоить простейшие приемы научного наблюдения и систематизации, нацеленные на достижение ближайшего полезного результата. Такова, например, обширная литература для юннатов [10]. В рассказах из истории науки акценты ставились на романтизированных судьбах ученых; сущность их деятельности, методология получения знания занимали в изложении куда меньшее место [11]. В общем, можно сказать, что наивный (а порой и вульгарный) позитивизм в советской детской печати победил все другие направления мысли. Из всего пантеона мировой науки в детских изданиях 1920--1930-х годов (в основном это брошюры Владимира Черевкова) остались гении-энциклопедисты Леонардо да Винчи и Михаил Ломоносов, столпы естествознания Джордано Бруно, Ньютон, Ламарк, Дарвин, Эдисон, Стефенсон, Фарадей, а также Маркс и Ленин; и, конечно же, все они выстроились в линию, которая вела к Сталину [12]. Другие концепции, способные напрямую влиять на мировоззренческую парадигму, были представлены крайне скупно. Вернадский, Циолковский, Чижевский не стали героями детских книг. Впрочем, старшим подросткам и юношеству дали возможность ознакомиться с идеями Эйнштейна -- в кратчайшем изложении на шестидесяти страницах брошюры Блохинцева [13], а профессор Опарин изложил для школьников свою теорию, вошедшую затем в учебники [14]. С 1940-х по 1970-е годы ситуация почти не изменилась, несмотря на то что после Второй мировой войны и прорыва человечества в космос мир стал другим -- даже в СССР.

Программа Горького, поддержанная Луначарским, легла в основу создания советской детской литературы, а краеугольным камнем этой программы стала категория труда -- декларативно свободного и творческого, на благо будущего человечества. Для советского ребенка было создано множество произведений, в которых от всей философии по-прежнему оставалась одна этика. Причем востребована была лишь элементарная этика в примерах -- народная сказка

«Хорошо, да худо» [15] или известное стихотворение Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». В конце концов, целью советской детской литературы было объяснять молодому поколению мир в духе марксизма-ленинизма, побудить новое поколение к переделке мира, задав при этом жесткие идеологические параметры объяснений и будущих открытий (даже естественно-научных), и направить энергию молодого поколения на сохранение, упрочение и расширение советского политического пространства. Самое чистое выражение марксистско-ленинская концепция мира и человека получила в книге-компендиуме, созданной супругами Михаилом Ильиным (псевдоним Ильи Маршака) и Еленой Сегал, которую они посвятили памяти Горького, -- «Как человек стал великаном» (1940). Авторы объясняли школьнику роль труда в истории цивилизации и культуры, проецируя образ юного читателя на образ взрослого человека -- преобразователя природы и создателя общественных богатств. Эта книга была советским аналогом популярной еще с дооктябрьских лет переводной книги Карла Эвальда «История двуногого. Как человек победил природу» [16]. Помимо всего прочего, эта философская база служила оправданием эксплуатации детского труда, начиная со школьных субботников и кончая самыми страшными, смертельно опасными формами (вроде детских трудовых коммун -- артелей, валивших и сплавлявших лес; были и такие, которые производили боеприпасы). «Сухой остаток» этой философии, лозунг «Кто не работает -- тот не ест», распространялся и на детей, и на детскую литературу, включая периодику [17].

И все-таки немарксистская философия, как ни старались вырвать ее с корнем советские идеологи, не только не исчезла из детского литературного процесса, но и, просачиваясь в него, прорастая, сделалась базой тех традиций, которые принесли славу русской детской литературе советского периода. Я имею в виду юмористическую и природоведческую традиции. В творчестве обэриутов, прежде всего Хармса, а также раннего Заболоцкого, отразились русское кантианство и бергсонизм, составлявшие противоположность дарвиновско-энгельсовской теории эволюции. Недаром вроде бы безобидное веселье, царившее в редакции «Чиж» и «Ежа», было жестко пресечено. А в произведениях Пришвина и Паустовского с помощью хитроумных поэтических приемов высказываются идеи из натурфилософских дискурсов античных философов и русских космистов, прежде всего Вернадского и Циолковского. Так, пришевская «Кладовая солнца» (1945) есть завершенная философская система, данная в образах, -- правда, с отводом цензорских глаз в финале, когда величественная картина мироздания схлопывается до мизерной идеи о пользе торфа в народном хозяйстве.

В 1960-е годы писатели, которым выпало получать образование в школах фабрично-заводского ученичества, советских школах и университетах, были еще менее готовы к философскому диалогу с детьми, чем их предшественники. Однако потребность мыслить вела их к выработке каких-то собственных мировоззренческих систем, пусть и не очень стройных. Достаточно вспомнить детские рассказы ленинградского писателя Виктора Голявкина, детские стихи и сказки москвичей Владислава Бахревского и Сергея Козлова, а также прозу советских фантастов, быстро заполнявшую круг детско-подросткового чтения.

На закате СССР были попытки реставрировать и реконструировать философскую детскую книгу. Важнейшей темой становится категория познания. В 1982 году в издательстве «Детская литература» выходит книга Дмитрия Биленкина «Путь мысли» из серии «Люди. Время. Идеи». Автор прослеживал эволюцию разума от его зарождения до наших дней, то и дело отступая от официальных рамок марксистско-ленинского материализма в сторону немарксистских концепций. Биленкин даже решается деликатно поспорить с официальной советской доктриной:

«“Дело надо делать, а не мудрствовать!” -- слышится голос практика. Огонь приручили, сеем и жнем, телевизор вот смотрим -- и все это без этих высоких материй. Есть вопросы о сущности разума, нет их -- живем, трудимся, развиваемся. Правда, все стремительней, так что в зарубежной литературе даже возник образ цивилизации, которая, словно поезд с пассажирами, но без машиниста, на всех парах мчится неизвестно куда» [18].

Последней подготовленной к печати в «Политиздате» книгой Алексея Лосева оказалось сочинение, адресованное юным мыслителям, -- «Дерзание духа» (1988). «Юные мыслители» здесь -- «мальчишки», но не дети, а студенты первого-второго курсов. Основная форма изложения напоминает средневековые дидактические жанры -- «беседы», «прогулки», «зеркала». Беседуют учитель с учеником, или философ, представитель «русской античности», с философом-марксистом. Впечатление такое, что Лосев напоследок оставляет «мальчишке», своему герою, решение дилеммы между «трудом» и «познанием», унаследованной от уходящего времени, так тормозившей творческую мысль старшего поколения:

«-- Только имей в виду истину, которую ты сам же и высказал. Для того, чтобы дело делать, не надо никакой предварительной философии. Тем не менее только философия и обнаруживает ту истину, что дело делать -- это значит создавать условия для свободных решений. Но я бы сказал: это значит быть подлинным человеком. Без теории, а так, путем вдыхания воздуха, естественно.

-- Оно конечно. Так сказать можно и нужно, -- ответил Чаликов. -- Только вот как бы не стали смеяться, если мы скажем, что дело делать -- это значит попросту быть человеком.

-- А если кто будет смеяться, ты ему объясни. Если монтер чинит звонок, то как бы хорошо и добросовестно он это ни делал, это еще не значит дело делать. Ты ему скажи, твоему скептику, что дело делать -- значит иметь перспективу, что это есть свобода. Это значит делать дело добровольно, а всякое необходимое разумное принуждение принимать как акт своего собственного и вполне независимого решения...

[...]

-- Хорошо, -- сказал я. -- На этот раз довольно. Если что будет не так, приходи поболтать.

-- Очень, очень вам благодарен. Спасибо.

-- И тебе тоже. Хорошо поговорили?

-- Здорово!

-- А в случае чего, не поминай лихом.

-- Ни-ни, -- сказал он.

-- И, по Пушкину, “не оспаривай глупца”.

-- А мне до этих глупцов, как до лампочки. До скорого, -- сказал Чаликов.

-- До скорого» [19] .

Но обратимся к сегодняшнему дню. Как мне кажется, системный кризис детской литературы, разразившийся на самом рубеже веков, преодолевается. С 1987 года, когда началась «перестройка», прошло двадцать лет. За это время поднялось и вступило в права поколение нынешних двадцатилетних, а другие -- десятилетние -- настолько не похожи на нас, что кое-кто готов объявить их чуть ли не «детьми Прозерпины», детьми «индиго» и в духовном смысле «зелеными человечками». И эти дети успели задать нам вопросы и дать свои ответы на наши вопросы. Приведем несколько примеров из Словаря современного детского языка [20] , подготовленного харьковской исследовательницей Верой Харченко:

«БОГ. -- А Бог знает, где Вселенная кончается? Или это такая загадка, которая непостижима никому? [мальчик, 11 лет 1 месяц].

БОЖИЙ. Божья коровка. -- Божья коровка потянулась ко мне и махнула лапкой. Наверное, хотела поцеловать [мальчик, 5 лет 8 месяцев].

БЫТЬ. -- Почему то, что было, уже никогда не будет? [мальчик, 4 года 1 месяц]. [...] Они перестали быть царями. -- А кем они стали быть? [мальчик, 7 лет 2 месяца].

ДУША. -- А человек перед рождением, когда еще не зачался, душа у него есть? Душа думает или еще зарождается? [мальчик, 11 лет 1 месяц].

ЗАЖЕЧЬ. Светит луна. Девочка спрашивает: Кто зажег на небе свет? [девочка, 3 года].

ЖИВОЙ. -- Земля: живое или неживое? -- Живое! [Мальчик, 5 лет 1 месяц]».

Детские писатели «перестроечной» волны, сами немного «дети Прозерпины», тоже переходили в своих сюжетах от действия к думанию, созерцанию как «дело деланию». Сказки-«примитивы» москвича Сергея Седова (прежде всего, цикл «Сказки несовершенного времени») звучат будто реплики в идущей где-то в садах беседе -- о том, что такое смерть и бессмертие, время. Екатеринбургец-москвич Сергей Георгиев, защитивший кандидатскую диссертацию по философии, оставил научную стезю ради детской литературы. Он пишет сказки, где с мягкой иронией представляет национальные типы умствования. Сказки-притчи из сборника «Запахи миндаля» иллюстрируют отдельные тезы классической китайской философии. В сказках, стилизованных под шванки, -- цикл «Простодушный Ганс» - - проходят проверку практицизм и трудолюбие, идеалы немецкого протестантизма. В другом цикле -- «Елки-палки: Фельдмаршал Пулькин!» -- иронически обрисован русский практический ум, аналогично-антитетичный немецкой манере мышления и действия.

Обращает на себя внимание роман-сказка «Госпожа Странная Мысль» петербургского писателя Андрея Кутерницкого. Мало того, что это редкий ныне жанр -- детский роман, в нем еще и сюжет разворачивается вокруг заданных автором «умных» вопросов и отвлеченных категорий. Что такое мысль? Как она связана с человеком? Что такое человек? Какую мысль можно назвать обычной, а какую -- странной? Где живут мысли? Какая связь между мыслью и добрым и злым сердцем или как связано мышление с этосом? Что такое время? Как происходит познание, если то, что познается, неведомо? Каково соотношение между знанием и незнанием? -- «Существует все, что названо словами. Но еще больше существует того, что ими не названо» [21]. Предмет и слово -- филологическая вроде бы тема, но и философская тоже.

«Как удивительно, -- подумала Лиза. -- Откуда в слове, которое всего лишь сочетание звуков, если его произнести, и начертание букв, если его написать, содержится то, что этим словом называется? Какая странная мысль!» [22]

Точно ли неживые предметы суть неживые и как в одном мире умещается живое и неживое? Роман Кутерницкого -- для читателей от одиннадцати-двенадцати лет и старше, он требует достаточно высокого уровня восприятия, как и кэрролловская «Алиса», сравнение с которой первым приходит на ум.

Есть что почитать и «интеллектуалам помладше», в том числе «продвинутым» старшим дошкольникам, скажем -- книги-сказки московского писателя Виктора Кротова о червячке Игнатии [23]. Кротов будто реализует мечту Николая Заболоцкого о «школе жуков», восходящую к паскалевской идее «мыслящего тростника». Мыслящий червяк собирает в своей норке общество себе подобных -- жука, муравья. За чайным столом, как в каком-нибудь интеллектуальном салоне, ведутся почти метафизические диалоги. Встречи, события -- все, что обычно служит сюжетобразующим материалом в сказках, -- здесь движет мысль, через череду вопросов, ответов и сомнений. Премудрость сказок не противоречит

ожиданию от сказки высокой простоты и глубокой легкости.

Наконец, делаются попытки внедрить курс философии в школьные учебные планы и создать особые дидактические тексты. Такова книга бесед Михаила Андрианова «Философия для детей в сказках и рассказах: Пособие по воспитанию детей в семье и школе», первое издание которой вышло в 2003 году [24]. Каков бы ни был результат этих попыток, нельзя не признать их новизну.

Подводя итоги, скажем так: «умной» детской и подростковой литературы, созданной современниками, становится больше. Можно надеяться, что эта тенденция окрепнет и «маленький Сенека» получит достойную пищу для ума и души.

[1] Гордер Ю. Мир Софии. СПб.: Амфора, 2006.

[2] Болотов А.Т. Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М.: Печатано при Императорском Московском Университете, 1776; 1779.

[3] Нравоучительные изречения древних и новых философов в пользу юношества // Пер. с греч. Г.В. Гераков. СПб.: Печатано при 1-м Кадетском корпусе, 1807.

[4] См., например: Рассказы о Боге, человеке и природе: Чтение для детей, дома и в школе, изданное Кн. В. Одоевским и А. Заболоцким. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1849.

[5] Опубликовано: Русский вестник. 1876. Т. СХХIII. Кн. 6; Т. СХХIV. Кн. 7. В примечании к названию автор пояснил: «Дитя души -- на Востоке значит приемыш, воспитанник, дитя, не телом рожденное, а душой принятое, по душе признанное, а не по плоти; по-гречески -- психопэди. Рассказ этот основан на действительных греческих или греко-молдавских преданиях, сообщенных мне одним придунайским жителем».

[6] Обратите внимание -- «Бог» здесь еще пишется с заглавной буквы.

[7] Власенко П.В. Есть ли Бог. Харьков: Юный ленинец, 1925.

[8] См., например: Тим С. От библии к науке. Харьков: Юный ленинец, 1926; Чумаченко А.А. Как человек выдумал бога. М.; Л.: Огиз -- Молодая гвардия, 1931.

[9] Иойриш Б. Карл Маркс, его жизнь и учение. Харьков: Юный ленинец, 1925.

[10] См., например: ЩигOLEV А., Гребенщиков В. Как изучать природу. М.: Молодая гвардия, 1927; Шнитников В.Н. Как дети могут помочь ученым. Л.: Начатки знаний, 1925; Шульц Г.Э. Юные фенологи в коллективной борьбе за

урожай. Как пионерам и школьникам организовать сеть наблюдателей за сезонными явлениями. М.; Л.: Огиз -- Молодая гвардия, 1931.

[11] См., например: Беркова К. Герои и мученики науки. М.; Л.: Детиздат, 1939.

[12] Сталин И.В. Большевики должны овладеть техникой. Речь т. Сталина и ответ ленинградских детей вождю. Л.: Лен. обл. изд-во, 1931; Байдуков Г.Ф. Встречи с товарищем Сталиным. М.; Л.: Детиздат, 1938.

[13] Блохинцев Д.И. Что такое теория относительности? / Под ред. акад. С.И. Вавилова. М.; Л.: ОНТИ, 1936.

[14] Опарин А.И. Происхождение жизни / Под ред. акад. А.Н. Баха. М.; Л.: ОНТИ, 1935.

[15] Хорошо, да худо. М.: ГИЗ, 1922.

[16] Эвальд К. История двуногого. Как человек победил природу. Л.: Прибой, 1924.

[17] Алла Горчева обращает внимание на то, что детские газеты ГУЛАГа выходили не под большевистским лозунгом: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», а под другими: «Через труд -- к исправлению», «Знания и труд исправят нас» (см.: Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа. М.: Изд-во МГУ, 1996).

[18] Биленкин Д.А. Путь мысли: научно-художественная литература. М.: Детская литература, 1982. С. 5--6.

[19] Лосев А.Ф. Дерзание духа / Сост. Ю.А. Ростовцев. М.: Политиздат, 1988. С. 55--56.

[20] Словарь современного детского языка: Ок. 10 000 слов, свыше 15 000 высказываний / Сост. В.К. Харченко. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 37, 38, 49, 50, 143, 163, 154.

[21] Кутерницкий А. Госпожа Странная Мысль. СПб.: Нева, 2006. С. 18.

[22] Там же. С. 20.

[23] Кротов В. Червячок Игнатий и его открытия: Сказки. М.: Центр Нарния, 2006.

[24] Андрианов М.А. Философия для детей в сказках и рассказах: Пособие по воспитанию детей в семье и школе. Минск: Современное слово, 2003.